

О. В. ЗАИЧЕНКО

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НЕМЕЦКИМИ КОНСЕРВАТОРАМИ В 30–40-е гг. XIX в. РЕЗИДЕНЦИЯ ИМПЕРАТОРА И ДВОР

В статье на основе анализа немецкой консервативной публицистики 1830–1840-х гг. делается попытка выявить основные аспекты одного из важнейших элементов восприятия России германскими охранителями – образа Санкт-Петербурга как императорской резиденции, воплощения воли российских самодержцев и как символа «идеального прошлого» европейских монархий.

Ключевые слова: образ России, Германия, консервативная идеология, Петербург, император, его окружение, жизнь двора.

Консервативная идеология, будучи одним из важнейших факторов общественно-политической жизни Европы Нового времени, возникла как реакция «феодално-аристократического класса на Просвещение, французскую революцию, либерализм и наступление буржуазии в конце XVIII – первой половине XIX в.»¹. Но в то же время консерватизм представлял собой нечто большее, нежели политическую программу определенных политических сил. Прежде всего, он являлся целостной системой восприятия мира, основанной на идее сохранения «естественных» устоев общественной жизни, под которым подразумевался существующий социальный порядок как привычная среда обитания. Всякое изменение общественно-политического фона и связанного с ним положения социальных групп – «носителей» охранительной идеологии, вызывало ответную реакцию, находя отражение в дальнейшем развитии детерминант, определявших мировоззрение и консервативную систему ценностей.

В представленном исследовании автор делает попытку на основе анализа немецкой консервативной публицистики 30–40-х гг. XIX в. выявить структуру и проследить процесс формирования определяющих элементов образа России, рассмотрев их как часть мировоззренческой системы аристократических групп германского общества.

Именно в это время общественный интерес к российской империи, являвшейся воплощением незыблемости монархического строя, «островом стабильности» – для одних, и главным очагом политической реакции в Европе – для других, достигает своего апогея. В период, начало которому положила Июльская революция 1830 г., а итог подвела волна революционных волнений 1848 г., образ России стал важной частью

¹ Huntington. 1984. S. 454.

обострившихся политических дискуссий о дальнейшем пути развития Германии. Именно тогда основные детерминанты консервативного восприятия России получили свое окончательное оформление, заняв важное место в идеологии правящих классов немецкого общества.

Как удалось выяснить в предыдущей части нашего исследования, важнейшим элементом консервативного образа России являлось изображение императора как идеального просвещенного правителя, гаранта легитимности и сохранения устоев монархического строя в Европе². Помимо фигуры монарха немецкие авторы также часто использовали образ столицы как царской резиденции, как символ мощного военномонархического государства и наиболее наглядный пример воплощения личной воли российских самодержцев, начиная с Петра Великого. Образ Санкт-Петербурга как резиденции, тесно связанной с правящей династией, занимал второе место по значимости и частоте упоминаний при формировании восприятия России у немецких читателей.

И это не удивительно. Из-за сурового климата, огромных расстояний, отсутствия бытовых удобств и незнания языка большинство европейских путешественников не рисковало без особой нужды предпринимать длительные поездки по стране. Они предпочитали проводить время в новой и старой столицах российского государства – Петербурге и Москве. При этом большинство немецких авторов отдавало предпочтение Петербургу. Почти все они начинали и завершали свои поездки по России в этом городе, ставшем морскими воротами огромной континентальной империи. Будучи принятыми при дворе, многие из немецких аристократов его и вовсе не покидали. Соответственно в «северной» столице и ее окрестностях заезжие иностранцы проводили значительно больше времени, чем в других крупных городах российской империи. Количество и яркость впечатлений, полученных в Петербурге, часто затмевали все остальные переживания, связанные с пребыванием в России. Этому городу посвящали самостоятельные сочинения³, а также переносили в Петербург действие авантурных и нравоучительных романов⁴. Неудивительно, что образ России в значительной степени сливался с изображением Санкт-Петербурга.

Доказательством популярности темы российской столицы в немецкой литературе первой половины XIX в. является довольно большой массив сочинений с многообразными описаниями Санкт-Петербурга, собранный в коллекции «Россика» Российской национальной библиоте-

² См.: *Заиченко*. 2013.

³ См., например: *Lüdemann*. 1830, 1836; *Meyer*. 1829; *Heine*. 1839; *Welp*. 1842.

⁴ См., например: (*Anon.*) *Die Geheimnisse...*; *Meinzwolf*. 1849; etc.

ки. Помимо художественных произведений, это – предназначенные для массового читателя путевые зарисовки и мемуары уроженцев Германии, посетивших Россию в эпоху «блестящего» царствования Николая I⁵. Особое место занимают насыщенные личными впечатлениями многочисленные путеводители по российской столице, написанные специально для немецких путешественников «из образованных сословий»⁶.

Большинство авторов этих сочинений принадлежали к германской элите, прежде всего, к прусской аристократии. Это были государственные сановники и дипломаты⁷, военные⁸ и писатели⁹, часто соединявшие в себе все ипостаси сразу. Кроме того, к числу консервативных авторов можно отнести так называемых «профессионалов», представителей «образованного сословия», востребованных в различных сферах общественной деятельности: врачей¹⁰, художников¹¹, издателей¹², юристов¹³, а также актеров¹⁴, чья успешная карьера в России была связана с очень популярным среди столичной элиты Петербургским немецким театром.

Так как исследованная нами литература, посвященная России, создавалась во времена жесткого противостояния либеральной и консервативной идеологий, неудивительно, что эти сочинения несли на себе отпечаток политической борьбы, а созданный в них образ России являлся, прежде всего, аргументом в политических спорах. С 30-х гг. в общественном мнении Германии начала преобладать негативная оценка России, получившая распространение благодаря критическим публикациям

⁵ См., например: *Arnim*. 1850; *Schulze*. 1834; *Bismark*. 1836; etc.

⁶ См., например: *Possart*. 1842; *Meyer*. 1837; *Schenkenberg*. 1839; etc.

⁷ Например: *Карл Отто Людвиг фон Арним* (1779–1861) – прусский дипломат, писатель; *Георг Вильгельм фон Людemann* (1796–1863) – чиновник высокого ранга Министерства образования Пруссии, а затем – Министерства внутренних дел, писатель, путешественник.

⁸ Например: граф *Фридрих Вильгельм фон Бисмарк* (1783–1860) – вюртембергский дипломат, генерал-лейтенант кавалерии, военный писатель.

⁹ Например: *Иоганн Шпоршиль* (1800–1863) – прусский писатель и историк; *Иоганн Георг Коль* (1808–1878) – писатель и юрист из Бремена

¹⁰ Например: *Максимилиан Гейне* (1807–1849) – брат Генриха Гейне, военный врач, с 1830 г. – лейб-медик императорской семьи, жил в Петербурге.

¹¹ Например: *Петер Гесс* (1792–1871) и *Эуген Гесс* (1824–1862) – баварские художники-баталисты, посетившие Петербург в 1839 г. по приглашению Николая I.

¹² Например: *Троймунд Вельш* (псевдоним *Эдуарда Пельца*) (1800–1876) – публицист и издатель.

¹³ Например: *Фридрих Иоганн Лоренц Мейер* (1760–1844) – адвокат из Гамбурга, историк права.

¹⁴ Например: *Эдуард Йеррман* (1798–1859) – прусский актер, режиссёр, руководитель труппы Петербургского немецкого театра в 1842–1848 гг.; *Фридрих Тутц* (1803–1879) – прусский драматург, писатель, театральные постановщик.

либеральных авторов, поэтому значительная часть рассмотренных нами сочинений была написана с одной целью – противопоставить правдивую, с точки зрения их создателей, информацию господствующим в публицистике предрассудкам относительно России. Именно путевые заметки консервативных путешественников, содержавшие личные наблюдения, впечатления и переживания авторов, имели большое значение для формирования положительного образа России.

Альтернативой и дополнением к опубликованным сочинениям, изданным несколькими тиражами, могут служить дневники и личные записи, содержащие описания Петербурга, но не предназначенные для печати, а потому не подверженные ограничениям цензуры и самоцензуры. В нашем случае, это – дневники офицеров, адъютантов из свиты членов правящих домов Европы, посетивших в Россию по личному приглашению Николая I для участия в торжественных мероприятиях. Речь идет о записках генерала Леопольда фон Герлаха, полковника Фридриха фон Гагерна и морского офицера Вольфганга фон Гаффнера.

Влиятельный деятель консервативной партии Леопольд фон Герлах (1790–1861) – личный адъютант и советник прусского монарха Фридриха-Вильгельма IV в составе королевской свиты посещал Петербург трижды: в начале 1826 г., с декабря 1827 г. по май 1828 г. и летом 1830 г., сохранив до конца жизни тесные контакты с российским двором. В дневниках, которые он вел во время поездок, Герлах писал о своих глубоко личных впечатлениях от увиденного в русской столице. Неудивительно, что его оценки нередко расходились с общепринятой позицией в консервативной литературе о России. Лишь после смерти Леопольда фон Герлаха его дочь Агнес решила опубликовать архив своего отца¹⁵.

Уроженец германского герцогства Нассау Фридрих Балдуин Гагерн (1794–1848), находясь на службе у принца Оранского, зятя Николая I, сопровождал наследника голландского престола принца Александра во время его официального визита ко двору русского императора летом 1839 г. по случаю бракосочетания великой княжны Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского. В ходе поездки, совпавшей по времени с посещением Петербурга маркизом де Кюстином, немецкий полковник вел дневник, который, в отличие от сочинения де Кюстина, не предназначался для печати. Записки Гагерна были опубликованы в 1857 г., уже после его смерти, в качестве приложения к многотомной биографии немецкого офицера, составленной его братом Генрихом фон Гагерном¹⁶.

¹⁵ *Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs*. 1891/92.

¹⁶ *Gagern*. 1856.; см.: *Гагерн*. 1883, 1890, 1891.

Вольфганг Венцель Гаффнер (1806–1892), лейтенант военно-морского флота, немец, сделавший блестящую политическую карьеру в Швеции, посетил Россию летом 1846 г. в качестве адъютанта и воспитателя шведского наследного принца Оскара-Фридриха. Официальная делегация прибыла в Петербург по случаю бракосочетания второй дочери Николая I, великой княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Фридрихом Вюртембергским. Записи, которые делал во время поездки Вольфганг Гаффнер, при его жизни также не были опубликованы¹⁷.

И особняком стоит знаменитое сочинение французского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»¹⁸. Без сомнения, оно оказало сильнейшее влияние на восприятие России в Европе и, в том числе, на немецких авторов, посетивших Петербург в 1840-х гг. Будучи в силу определенных обстоятельств чужаком и изгоем в аристократической среде, а потому не связанным никакими моральными обязательствами, Кюстин отличался смелостью и независимостью суждений. Он стал одним из немногих авторов, которые подвергли российское самодержавие открытой критике справа, с умеренно-консервативных позиций.

По мере знакомства Петербург представал на страницах русофильской литературы как морская, административная и военная столица. Но прежде всего, Петербург ассоциировался с правящей династией и воспринимался именно как резиденция императора, поэтому описание местопребывания монарха и его окружения занимает в этой литературе центральное место. Особенности придворного церемониала, повседневная жизнь двора и высшей знати, которая вращалась вокруг царя и его семьи, также приобретают большое значение для восприятия города.

Незримое присутствие самодержца в столице и ее окрестностях отмечалось практически всеми иностранцами вне зависимости от того, были ли они представлены при дворе или нет. «Вы хотите знать наверняка, что в этом величественном городе достойно вашего внимания? – вопрошал прусский драматург Фридрих Титц в сочинении, специально посвященном описанию жизни петербургского двора. И сам же отвечал: «Император, его местопребывание, его планы – вот единственный предмет, занимающий здесь мысли всех тех, кто умеет мыслить»¹⁹. Любое появление августейших особ на улицах города – проезд императорской коляски, прибытие императрицы из Петергофа, посещение членами монаршей семьи одной из своих летних резиденций и тому подобные события – тотчас же собирали восторженные толпы народа, к которым

¹⁷ Wolfgang Wenzel von Haffner... 2010; *Гаффнер*. 1914.

¹⁸ *Custine* 1847; *Кюстин*. 1996.

¹⁹ *Tietz*. 1831. S. 12.

охотно присоединялись и иностранные гости столицы. Как поэтично описал один из них свое впечатление от проезда императорского кортежа: «Явление императора или императрицы на улицах Петербурга оставляло после себя такой след, какой оставляет в море большое судно. Бурлящее человеческое море было похоже на волны, продолжающие пениться позади мощного военного корабля уже после того, как корабль, гордо мчащийся на всех парусах вперед, достигнет гавани»²⁰. При таком отношении к личности императора и его ближайшему окружению неудивительно, что практически во всех описаниях Петербурга важнейшее место занимают дворцы и дворцовые комплексы, связанные с жизнью монарха, двора и высшей знати, т.е. императорские резиденции в столице, а также Петергофе, Царском селе и других окрестностях города.

Петергофский и Царскосельский дворцы, будучи самыми популярными загородными резиденциями, как правило, ассоциировались с прошлым не только России, но и Европы в целом. В восприятии немецких путешественников они были связаны, прежде всего, с блестящими царствованиями Петра I, Екатерины II и Александра I. Многие авторы отмечали некоторую старомодность и тяжеловесность фасадов, украшенных многочисленными «колоннами и пилястрами коринфского и сложного ордеров», позолоченными скульптурами, «арабесками и фестонами», сравнивая их архитектуру со «старыми французскими дворцами» времен Людовика XIV²¹. Так, полковник Ф.Б. Гагерн в своих воспоминаниях неоднократно называл Царское село русским Версалем²². Еще больше ассоциаций с ушедшим безвозвратно в прошлое «золотым веком» европейских дворцов вызывало внутреннее убранство комнат, которое резко контрастировало с отличавшимися сдержанностью и скромностью интерьерами эпохи «Бидермайер». «Великолепие императорских покоев превосходит всякое описание, – делился своими впечатлениями о Царскосельском дворце Фридрих Гагерн. – Лестница построена из каррарского мрамора, одна из комнат со всеми украшениями из янтаря, другая – из перламутра, третья отделана китайскими лакированными пластинками. Мебель, украшения, картины – превосходного вкуса и такой роскоши, которая поражает нашего брата, бедных западных соседей. Поддержание некоторых дворцов в порядке стоит здесь довольно дорого, дороже, чем содержание нашей скромной королевской резиденции»²³. С одной стороны, архитектура и декор загородных рези-

²⁰ Schulze. 1834. S. 46.

²¹ Bismark. 1836. S 162.

²² Гагерн. 1890. С. 321.

²³ Там же. С. 321.

денций соответствовали традициям и лучшим образцам европейской архитектуры и говорили о принадлежности российского императорского дома к общеевропейской семье монархов. Но непривычная для немца первой половины XIX в. роскошь казалась многим авторам нереальной, сказочной экзотикой, не соответствующей стандартам современной жизни аристократии Европы. В их восприятии подобное великолепие было скорее присуще экзотическому Востоку, чем прагматичному Западу: неслучайно императорские резиденции часто сравниваются с «волшебными дворцами Аладдина из “Арабских ночей”».

В сочинениях европейских путешественников, посетивших дворцовые комплексы Петербурга и его окрестностей, бросается в глаза использование описаний интерьеров жилых комнат августейших особ для характеристики личных качеств их владельцев. В случае Царского села речь шла об уже покойных самодержцах: Екатерине II и Александре I. Все авторы подчеркивали, что на момент их посещения загородных резиденций в апартаментах августейшей бабушки и ее царственного внука вся обстановка и личные вещи сохранялись в том же состоянии, как при жизни их владельцев, напоминая современный мемориальный музей. Описывая Царскосельский дворец, один из немецких авторов отмечал, что «комнаты, в которых жила императрица Екатерина II, поддерживаются в точно таком же виде, как были при ней. Я не видел ничего, более великолепного. Драгоценные вазы из порфира, фарфора, хрустальные чаши, малахитовые каминные, столы мозаичной работы. Паркет в одной из комнат был инкрустирован перламутром, а удивительная и редкостная коллекция янтаря просто изумляет»²⁴. Барочная избыточная роскошь апартаментов покойной императрицы напоминала немецким путешественникам о тех временах, когда европейские монархи позиционировались как наследники великого Рима, как античные боги-триумфаторы, носители высшего разума, красоты и власти. Окружавшая обстановка должна была подчеркивать ее сакральный характер. Но вот на смену избыточности барокко приходит простота и строгость классицизма. После Французской революции в Европе резко ускорился процесс десакрализации образа монарха. Вместо «просвещенной государыни» в образе античных богинь Минервы или Фелиции, на русский трон взошел, благочестивый рыцарь, полководец, доказывающий свое право на абсолютную власть не в дворцовых залах, а на полях сражений. Скромный военный мундир заменил расшитый золотом камзол. И немецкие авторы не могли не заметить, как с роскошными интерьерами парадных

²⁴ *Lüdemann*. Petersburg wie es ist. S. 152.

комнат Царскосельского дворца резко контрастируют своей сдержанностью апартаменты Александра, склонного к замкнутому образу жизни и личному уединению: «Мы видели спальню Александра. Видели его скромное платье, потертую шляпу, сапоги с заплатками, его кровать – очень узкую и неудобную, его туалет с множеством ножиц, кабинет с небольшой библиотекой, иконами и портретами забытых красавиц. Трудно представить себе комнату менее роскошную»²⁵. Вся обстановка рисует нам трогательный и человечный образ Александра как простого смертного, живущего одной жизнью со своими подданными. Чтобы подчеркнуть аскетизм, нетребовательность и набожность монарха, у ног которого совсем недавно лежала вся Европа, часто упоминают его зала-танную одежду и обувь, потертые молитвенники и небольшие иконы, которые он всегда возил с собой. Представляя покойного государя как благочестивого затворника и рыцаря, смыслом жизни которого было «высокое служение Господу и России», Ф. Гагерн обращает внимание на вазы из кабинета Александра, на которых были изображены триумфальные победы его царствования. «Из скромности или из христианского смирения, он велел поставить эти вазы таким образом, что изображения были обращены к стене»²⁶. Способность смирять гордыню, отказаться в повседневной жизни от праздности и роскоши, снизить до уровня своих подданных, чтобы лучше понимать их чаяния – таковы проявления высшей добродетели русских императоров: следование долгу бескорыстного служения отчизне. Контраст между внешним блеском и величием первого лица государства и его скромностью и неприхотливостью в частной жизни, а также между роскошью и комфортом апартаментов императриц и аскетизмом комнат монархов в той или иной степени был свойственен большинству иностранных описаний царских резиденций²⁷.

Однако на первом месте стоял Зимний дворец. Если загородные резиденции во многом воспринимались как своеобразные музеи и ассоциировались в основном с прошлыми царствованиями, то Зимний дворец стал символом величия современной России и был связан с личностью здравствующего императора Николая I. Как и все столичные дворцы, он был знаменит своими размерами и архитектурным великолепием: «Прежде всего, мы попытались обойти величественные фасады Зимнего дворца, который так огромен, что в нем легко заблудиться»²⁸. Счастливицы, представленные при дворе, с восторгом описывали богат-

²⁵ Гагерн. Ч. 2. С. 322.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: *Arnim*. 1850. Bd. 1. S. 31; *Lüdemann*. 1830. S. 27ff; *Possart*. 1842. S. 52.

²⁸ *Kaiser*. 1830. Bd. 1. S. 4.

ство внутреннего убранства, колоссальные размеры парадных залов и галерей, щедро украшенных многочисленными произведениями искусства. Особое внимание уделялось описанию личных апартаментов императорской семьи. Почти все наблюдатели отмечали «незатейливость убранства» комнат Николая I, расположенных на третьем этаже дворца, оклеенных «простыми бумажными обоями»²⁹. Также скромно был отделан его кабинет на первом этаже с узкой складной походной кроватью в углу, в «освещенных окнах которого жители столицы могли до поздней ночи видеть фигуру монарха, склоненную над письменным столом»³⁰.

С аскетизмом комнат царя контрастировали изысканность и изящество апартаментов императрицы. Массу восторгов вызывали своей сказочной роскошью Малахитовая гостиная, ведущая в покои Александры Федоровны; столовая, расписанная по мотивам фресок, раскопанных в Помпеях; романтический зимний сад с фонтаном и с резными деревянными перегородками, по которым круглый год вился живой плющ, а также ванная комната, декорированная в мавританском стиле. Образцами для проекта «купальни» императрицы, входившей в число парадных дворцовых помещений, послужили интерьеры дворца Альгамбра в Испании. Во время придворных балов, носивших протокольный характер, внутренние покои Александры Федоровны были открыты для посетителей. И опять, описывая отделку дворцовых помещений, многие авторы отмечают «азиатскую роскошь» и «восточное величие» убранства, сопоставимое лишь с «чудесами из сказок “Тысяча и одной ночи”». Особенно сильное впечатление на иностранных посетителей производил зимний сад, находившийся над манежем дворца: «Это так странно и удивительно: подниматься на высоту восьмидесяти ступеней и вдруг очутиться в большом саду, с деревьями и кустами довольно значительных размеров, широкими дорожками, усыпанными песком, клумбами с цветами, бассейном с фонтанами, где плавают рыбы, а над головой летает множество чижей и других птиц»³¹. Ничего подобного они и представить не могли у себя на родине. Все увиденное казалось им «волшебным сном», прекрасным, но слишком экзотическим для современной Европы, а, следовательно, во многом чуждым европейским эстетическим стандартам первой половины XIX века.

Наглядным подтверждением того, что Россия причастна к достижениям общеевропейской культуры, служил примыкающий к дворцу Эрмитаж («где так многое оживляет в памяти частную жизнь императ-

²⁹ *Bismark*. 1836. S. 9.

³⁰ *Ibid*. S.10.

³¹ *Bismark*. 1836. S. 12; см. также: *Гагерн*. Дневник путешествия... Ч. 1. С. 31.

рицы Екатерины»³²), с его знаменитой коллекцией, «состоящей из великолепнейших шедевров итальянских, испанских, голландских, французских, а также нескольких русских художников». Многие иностранцы стремились попасть в Эрмитаж, чтобы увидеть «лучшее в мире собрание картин фламандской школы, необыкновенно богатое Рембрандтом, Вуверманом, Поттером, Тениером, Бергемсом, Ван-Остсом и Рюисдалем»³³. Кроме того, живой интерес вызывала большая коллекция «римских древностей», найденных при раскопках в Крыму – геммы, золотые украшения, цепи, фибулы, сосуды, шлемы и др. Это собрание также должно было укрепить иностранцев в уверенности, что русская культура опирается на то же античное наследие, что и европейская.

Особое место в более поздних сочинениях о России занимает знаменитый пожар в Зимнем дворце 17 декабря 1837 г., продлившийся три дня, в результате которого полностью выгорели второй и третий этажи императорской резиденции. Накануне вечером император с семьей был в театре. Прибыв на место пожара, он тотчас взял командование тушением в свои руки. Практически все немецкие авторы, затрагивавшие в своих сочинениях эту тему, писали о том, как император, подобно эпическим героям, один противостоял разбушевавшейся стихии. «Государь был повсюду, – писал, со слов одного из свидетелей, Максимилиан Гейне, служивший тогда лейб-медиком царской семьи. – К нему одному были устремлены глаза, исполненные доверия. Он сам всем руководил и направлял помощь туда, где еще можно было сопротивляться огню. Николай везде являлся первым и уходил только тогда, когда уже не оставалось никакой возможности противостоять расшвырявшей стихии. Видя перед собой самоотверженный пример государя, так же мужественно вели себя и все остальные – от генерала до простого солдата»³⁴. Впоследствии многократно растиражированные описания героического поведения Николая при тушении пожара в Зимнем дворце, стали частью мифа о «вездесущем» императоре, который в одиночку противостоит всем невзгодам, побеждая не только врагов отечества, но и природу.

Пожар 17 декабря 1837 г. стал одним из самых грандиозных и разрушительных по своим последствиям пожаров за всю историю России. Помимо многочисленных человеческих жертв в огне погибли знаменитые интерьеры Растрелли, Кваренги, Монферрана, России, множество произведений искусства и предметов быта. По воспоминаниям очевидцев, огненное зарево было настолько велико, что его можно было наблю-

³² Там же. С. 32.

³³ Hess. 1852. S. 13–14.

³⁴ Heine. 1839. S. 54.

дать за 50–70 верст от столицы³⁵. Неудивительно, что полное восстановление Зимнего дворца почти в том же самом виде за невероятно короткое время (уже к лету 1839 г.) воспринималось современниками как чудо, осуществленное по воле императора, как «вызов, брошенный одним человеком стихии, осмелившейся разрушить это великолепное здание»³⁶.

Тему восстановления Зимнего дворца в 1838/39 гг. затронули все авторы, писавшие о России в тот период. Отражение этого сюжета в германской публицистике дает нам еще одно свидетельство того, как одно и то же событие получило полностью противоположные интерпретации и оценки, в зависимости от политических взглядов наблюдателей. И консерваторы, и либералы использовали историю с быстрым восстановлением Зимнего дворца в качестве одного из аргументов в собственном общественно-политическом споре, традиционно связав это событие с личностью императора. Для прорусской литературы весьма типично следующее высказывание: «Я увидел фасад нового Зимнего дворца – еще один чудесный плод воли великого человека, подвигающего других людей на борьбу с законами природы. Борьба эта увенчалась полным успехом, ибо за один год Зимний дворец – пожалуй, огромнейший из всех в мире, ибо он равен Лувру и Тюильри вместе взятым, – возродился из пепла»³⁷. Консерваторы видели в этом факте еще одно подтверждение преимущества монархической формы правления над парламентско-конституционной системой, за которую выступали либералы. Только неограниченная ничем воля русского императора была способна завершить это, казалось бы, невозможное дело в течение одного года: «В то время как мы уже три года спорим о том, как перестроить театральную залу, Николай за один год поднял из руин величайший дворец мира»³⁸.

С другой стороны, с этим сюжетом была связана полемика с враждебно настроенными критиками России, которые использовали его, чтобы показать пагубность абсолютной монархии для Европы, и, сравнивая, например, с проведением аналогичных строительных работ в Версале или в Мюнхене, писали, что если в Европе тысячи бедняков смогли заработать себе на хлеб, то в Петербурге, они тысячами гибли от непосильного труда, подобно рабам в Древнем Риме. Либеральные авторы обращали внимание на то, что по вине самодержавного произвола множество рабочих нашло смерть во время поспешного восстановления дворца. «Для того чтобы закончить этот труд в срок, определенный им-

³⁵ См., например: *Kohl*. 1841. Bd. 1. S. 180.

³⁶ *Possart*. 1842. S. 43.

³⁷ *Jermann*. 1852. S. 24ff.

³⁸ *Arnim*. 1850. Bd. 1. S. 35.

ператором, – писал анонимный автор «Писем североамериканца из России», явно находясь под влиянием сочинения маркиза де Кюстина, – потребовались невероятные усилия. Стройке постоянно требовались шесть – восемь тысяч рабочих. При этом работы велись во время страшных морозов. Каждый день уносил с собой множество жертв, но на их место тотчас вставали новые борцы с природой, так что потери не были заметны. Меж тем единственной целью стольких жертв было удовлетворение прихоти одного человека!»³⁹.

В оценке этого события вновь ключевым моментом становилась фигура императора. Многие наблюдатели проводили параллель со строительством Петербурга, воздвигнутого на непригодных для жизни болотах в кратчайшие сроки и «по воле одного человека, бросившего вызов стихии», ценой «колоссальных человеческих жертв». Именно в самодержавном произволе и неоправданной, бессмысленной жестокости по отношению к собственному народу либералы видели преемственность политики русских императоров, утверждая, что «в России пример Петра Великого оказался пагубным для большинства монархов!»⁴⁰. Немецкие же консерваторы вспоминали, что «во все века ничего подлинно великого и колоссального не создавалось без труда, без жертв и крайнего напряжения сил»; что же касается России, то здесь «монархи всегда были любимы народом, даже если во имя высокой цели они были вынуждены жертвовать тысячами жизней своих подданных, так как власти в России воплощали и продолжают воплощать в себе дух нации»⁴¹. Однако попытки приверженцев охранительной идеологии оправдать подобным образом русское самодержавие часто порождали все новые и новые вопросы.

Если популярный тезис о том, что русский император олицетворяет собой государственную систему со всеми ее достоинствами и недостатками, не вызывал сомнений ни у консерваторов, ни у либералов, то утверждение, что в России «монархия и нация сливаются воедино» не казалось бесспорным даже консервативным наблюдателям. В предыдущей статье мы уже отмечали, что некоторые из немецких аристократов, принятых при русском дворе, в своих записках, не предназначенных для публикации, писали о растущей изоляции самодержца от общества⁴². Как и адъютант прусского короля Леопольд фон Герлах, они полагали, что не ограниченная ответственностью перед Богом за жизни вверенных ему подданных власть Николая I, развивающаяся в сторону деспо-

³⁹ (Anon.) Briefe eines Nordamerikaners... 1849. S. 91.

⁴⁰ (Anon.) Leben Russlands inneres... 1846. Bd. 1. S. 51.

⁴¹ Sporschil. 1849. S. 209-210.

⁴² См.: Заиченко. 2013.

тизма, лишает его опоры на широкие слои населения, делая его положение внутри страны неустойчивым. Подобные выводы были допустимы в дневниках и частной переписке, но совершенно неприемлемы для официозной литературы консервативного направления. Как уже отмечалось, вся посвященные России сочинения в той или иной степени являлись частью общественно-политической полемики внутри Германии. В частности, росту оппозиционных настроений, приведших к глубокому расколу в немецком обществе, противопоставлялись созданные консервативными авторами картины «подлинного единения народа и власти» в России. Многочисленные примеры тому они умудрялись находить даже в насыщенной увеселениями жизни петербургского двора. Олицетворением «слияния самодержавия и нации» для большинства немецких консерваторов, не покидавших столицы, служили так называемые «народные» балы, большие придворные празднества с участием специально отобранных представителей всех сословий русского общества – прежде всего, ежегодный Новогодний бал, который ассоциировался с Зимним дворцом, и проводимый в Петергофе каждое лето грандиозный праздник в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны.

По традиции, со времен Елизаветы Петровны, в первый день нового года в Зимнем дворце устраивались большие костюмированные балы «для всех желающих: не только дворянского и военного сословия, но также и для купцов, разодетых в кафтаны, простых обывателей, лавочников, ремесленников, и даже для бородатых крепостных крестьян в национальных костюмах»⁴³. Доступ в императорские апартаменты был открыт для всех «прилично одетых» посетителей. Как писали очевидцы, на новогодний бал собиралось более трех тысяч представителей всех слоев общества при полном отсутствии полиции, и «император приветливо, без всяких мер предосторожности общался с ними. Людская волна растекалась по сверкающим покоем дворца. Все вели себя чинно, скромно, благоговейно, без толкотни и давки. Праздник вообще был очень трогательный, почти семейный, и в то же время торжественный, полный глубокого смысла. Монарх и народ сливались воедино в общем ликовании»⁴⁴.

Еще чаще встречается подробное описание большого летнего праздника, ежегодно проводившегося в Петергофе, любимой резиденции Николая I. В этот день, чтобы принять участие в грандиозном бале в честь дня рождения императрицы и полюбоваться на фейерверки и потрясающую воображение иллюминацию, к семи часам вечера к Петергофскому дворцу стекались толпы народа. Как пишет один из очевидцев,

⁴³ Schenkenberg. 1839. S. 17.

⁴⁴ Arnim. 1850. Bd. 1. S. 31.

«всех попережку – придворных, дипломатов, приглашенных иностранцев и людей из народа, допущенных на праздник, вводили в главные покои... А после бала все эти люди – офицеры и солдаты, знать и торговцы, господа и крепостные, вместе бродили по ярко освещенным рощам, откуда двести пятьдесят тысяч разноцветных ламп изгнали ночную тьму»⁴⁵. Это «волшебное действие» с многократно описанной иллюминацией, «огненной лавой», простиравшейся от стен заднего фасада Петергофского дворца «до волн Финского залива», представлялось иностранным зрителям удивительной смесью пышного дворцового приема, военного парада и народного праздника, где «простой народ», как хорошо воспитанный ребенок, вел себя «чинно» и «благонравно». Развивая тему единения отца-императора со своими детьми-подданными, многие авторы подробно останавливались на том, как до и после бала государь и государыня, объезжая парк, запросто и без всякой охраны беседовали с «народом», заполнившим аллею вокруг дворца, принимали трогательные подарки и прошения. В. Гаффнер, присутствовавший на Петергофском празднике в 1846 г., писал, что подобную сцену нельзя было наблюдать без умиления, так как «император и его преданные подданные составляли одну, тесно связанную между собой семью»⁴⁶. Кроме этого, подобные «народные» балы для консервативных наблюдателей являлись еще и демонстрацией прочности устоев монархического государства, а также стабильности добуржуазного общественного устройства, которое уже давно было поколеблено в Германии наступлением капитализма. Весьма характерен горький комментарий графа Фридриха Вильгельма фон Бисмарка, который воспринимает различие двух систем общественного устройства как различие двух исторических эпох: «Современная эпоха не может предоставить нам ничего, что можно было бы сравнить с праздником в Петергофе, так как меркантильная тенденция нашего века не хочет нести никаких расходов, чтобы доставить удовольствие народу»⁴⁷. Эта фраза очень показательна для консервативного мировоззрения в целом. Для большинства немецких охранителей Россия – это не чуждое европейским ценностям отсталое государственное образование, а докапиталистическое прошлое Европы, которое навсегда утрачено на их родине.

Но ностальгические настроения не мешали чувствовать фальшь происходящего. Постановочный характер «единения самодержца и народа» произвольно отражался во многих описаниях ежегодных торжеств. Например, немецкие авторы, давая высокие оценки увиденному,

⁴⁵ *Jerrmann*. 1852. S. 24.

⁴⁶ *Гаффнер*. 1914. С. 261.

⁴⁷ *Bismark*. 1836. S. 162.

часто сравнивали происходящее со спектаклем. «Бесчисленные мундиры, ослепительно сверкающие на солнце, – описывал Петергофский праздник один из лояльно настроенных прусских офицеров, посетивших российскую столицу по приглашению Николая I летом 1834 г., – фонтаны, аллеи, заполненные нарядно одетыми людьми, – все это выглядело как роскошный спектакль»⁴⁸. Ему вторит другой восторженный зритель: «Как декорация для грандиозного спектакля, как живописное смешение людей разного звания, как демонстрация великолепных и необыкновенных костюмов праздник в Петергофе выше всяких похвал. Никакое воображение не в силах сравниться с волшебной реальностью»⁴⁹. На постановочный характер происходящего указывали и «чрезвычайное благонаравие», «благоговение» и «чинность» приглашенного «простого народа», который «к буфетам даже не подходил» и вел себя «столь почтительно, словно он всю жизнь провел при дворе... Хотя в любой другой стране от такого громадного скопления людей обязательно возникла бы невообразимая толчея и давка»⁵⁰.

Помимо общей скованности и неестественности поведения специально отобранных представителей низших сословий, некоторые проницательные наблюдатели обращали внимание на разрозненность людской толпы, которая должна была изображать на этих торжественных мероприятиях монолитность русского общества. Представители различных общественных слоев, находясь в одних помещениях, вели себя отчужденно и никогда не смешивались друг с другом. Как заметил по поводу праздника в Петергофе многократно цитированный нами Фридрих фон Бисмарк: «Я не видел ничего более прекрасного для взора, чем это национальное собрание, состоящее из царедворцев и землепашцев, которые перемешались друг с другом в залах дворца. Одно лишь печалит, что сблизившись телесно, они никогда не сблизятся душевно»⁵¹.

Но единства нет не только среди подданных, невидимая стена также отделяет общество от императора. Это невольно отмечают почти все иностранные гости. В их описаниях император подобно Богу или античному герою парит над простыми смертными, никак с ними не соприкасаясь. Он всегда величествен и одинаково далек от всех своих подданных. В этом отношении весьма типично описание ежегодного новогоднего бала, данное писателем и главным постановщиком очень популярного среди аристократии Петербурга Немецкого театра Эдуардом Йеррманом: «Залы

⁴⁸ (Anon.) Die Preussen als Gäste... 1835. S. 28.

⁴⁹ Lüdemann. 1830. S. 155.

⁵⁰ Tietz. 1836. Bd. 1. S. 111.

⁵¹ Bismark. 1836. S. 166.

Зимнего дворца, полные людей, являют собой океан голов, над которым висит благородная голова императора. Его Величество как всегда недосыпаем: его стать, его голос и воля как бы парят над покорным ему народом»⁵². Еще более определенно высказался один из немецких офицеров, приглашенных на праздник в Петергофе: «Зажатый в толпе, я довольно долго ожидал вместе со всеми появления императора. Едва солнце России, ее повелитель, возник на горизонте, как пространство перед ним расчистилось. В сопровождении своей благородной свиты он свободно, ни на миг не соприкасаясь с толпой, пересек залы, куда за минуту до этого, казалось, нельзя было протиснуться ни одному человеку»⁵³.

Вопрос о взаимоотношениях самодержавия, символом которого был император, и русского общества, долгое время оставался одним из ключевых в полемике либералов и консерваторов относительно политического устройства России и Европы. Попытки консерваторов представить ежегодные зимние и летние костюмированные балы как пример «единения» самодержца и общества вызвали острую критику со стороны их политических оппонентов. «Можно ли в большей степени обманывать себя, а, заодно и весь свет, – иронично спрашивал автор «Писем североамериканца...», – чем так, как это делают описывающие Россию иностранные сочинители, которые сейчас сбегались в Петербург со всех концов Европы, дабы умилиться трогательной близости, что царит между российским императором и его народом?»⁵⁴. Однако эти упреки либералов не полне справедливы, так как свидетельства, оставленные консервативными авторами, часто не оспаривают, а во многом являются косвенными подтверждениями их собственных нелицеприятных выводов. Сторонники либеральных взглядов лишь выразили, доведя до логического конца, те ощущения и намеки, которые в завуалированной форме проскальзывали в консервативных сочинениях. Наиболее четко и лаконично их сформулировал маркиз де Кюстин, не скованный никакими обязательствами перед русским двором: «Когда император распахивает двери своего дворца для привилегированных крестьян и избранных горожан, допуская их к себе дважды в год засвидетельствовать почтение, он не говорит пахарю или торговцу: «Ты такой же, как я», но дает понять вельможе: «Ты такой же раб, как они, а я, ваш Бог, равно недосыпаем для всех вас»⁵⁵. Интуитивно ощущая существование растущей пропасти ме-

⁵² *Jerrmann*. 1852. S. 52.

⁵³ (*Anon.*) *Die Preussen als Gäste ...* S. 31.

⁵⁴ (*Anon.*) *Briefe eines Nordamerikaners ...* S. 114.

⁵⁵ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 242.

жду самодержцем и его подданными, влекущее за собой изоляцию авторитарной власти и размывание политической опоры монархического строя в обществе, консервативные авторы, возможно, психологически не были готовы к тому, чтобы открыто признать этот факт. Или же по идейным соображениям они не могли себе позволить высказываться на эту тему столь же решительно, как их политические оппоненты.

Однако, несмотря на возможные критические замечания по поводу русского абсолютизма, практически все пребывавшие в Петербург знатные иностранцы мечтали быть представленными при дворе, чтобы попасть в число избранного окружения императора. Самодержец продолжал оставаться центром всеобщего притяжения, зачастую вызывая у немецких консерваторов более мощные верноподданнические настроения, чем у коренного населения. Счастливицы, удостоенные высокой чести, часто выражали эмоции, схожие с чувствами прусского офицера, прибывшего в составе официальной делегации в Петербург по случаю открытия Александровской колонны в 1834 г. и записавшего в своем анонимно изданном дневнике: «Я счастлив, что, наконец, вдохнул воздух петербургского двора! Теперь я мечтаю предстать перед лицом одного из тех божеств, чьей волей дышат этот воздух простые смертные!»⁵⁶.

Помимо «божества»-самодержца, особенностям консервативного восприятия которого была посвящена отдельная статья⁵⁷, подробного описания в путевых заметках немецких авторов, удостоилось также его ближайшее окружение, в число которого входили члены императорской семьи и самые влиятельные сановники. По степени популярности на первом месте стояла императрица Александра Федоровна, затем шел наследник цесаревич, будущий Александр II, младшие дети августейшей четы и прочие родственники. Интересно, что в отличие от Николая I, воспринимавшегося скорее как некое «высшее существо» без малейшего изъяна, все остальные члены императорской семьи были лишены сакрального ареола и представлены как пусть и высокопоставленные, но все же «простые смертные» со своими слабостями и особенностями характера.

Наиболее ярким антиподом Николая I стала его супруга Александра Федоровна. Как аскетизм и простота убранства личных комнат государя контрастировали с роскошью и изяществом апартаментов императрицы, так и «возвышенному» образу «полубога» и «идеального государя», связанному с Николаем I, в немецкой литературе о России был противопоставлен образ «государыни»: слабой земной страдающей женщины. Даже

⁵⁶ (Анон.) Tagebuch eines preußischen Offiziers... 1836. S. 8.

⁵⁷ Заиченко. 2013.

величественный внешний облик царя резко контрастировал с болезненной хрупкостью и заметной психологической уязвимостью его жены (например, отмечалось, что во время сильного волнения «по лицу Ее Величества часто пробегала судорога, а голова начинала мелко трястись»⁵⁸).

В отличие от героического ореола, окружавшего императора, восприятие Александры Федоровны было окутано романтической дымкой. На страницах сочинений немецких авторов она предстает в образе героини сентиментального романа: хрупкой, рано увядшей женщиной с трагической судьбой и нежным сердцем, полностью посвятившей себя любимому мужу и детям. Полагали, что события 14 декабря 1825 г. роковым образом повлияли на ее жизнь: императрица так и не смогла оправиться от потрясения, которое пережила в день вступления на престол. Практически все наблюдатели отмечают ее болезненность, чрезвычайную худобу и крайнюю нервозность, которые, тем не менее, сочетаются с врожденным изяществом и грацией. Ее манеры «свидетельствуют о гордой душе, привыкшей смирять свои порывы»⁵⁹. «...Ее глубоко посаженные нежные голубые глаза выдают жестокие страдания, сносимые с ангельским терпением; ее взгляд исполнен кротости и чувства»⁶⁰. «Она так слаба, что, кажется, не имеет сил жить: она чахнет, угасает, она больше не принадлежит нашему миру... Весь остаток своих дней она принесла в жертву супружескому долгу»⁶¹. Несмотря на свою непомерную любовь к балам, празднествам и светской жизни Александра Федоровна предстает в этих сочинениях идеальной женой и заботливой матерью, ключевыми словами в описании которой являются «семья», «жертвенность» и «долг». Практически все авторы отмечали, что «императрица повсюду пользуется большой любовью за свою доброту и за то, что всегда действует на государя успокаивающим образом; поэтому многие при дворе опасаются ее преждевременной кончины. Она очень любит императора»⁶².

Особый мелодраматизм в жизнеописании Александры Федоровны, опубликованные во второй половине 40-х гг., вносили весьма деликатно вставленные упоминания о длительном любовном романе Николая I с ее камер-фрейлиной Варварой Аркадьевной Нелидовой, начавшийся, по-видимому, после 1832 г. и продлившийся 17 лет. Как отмечал в одном из своих писем Леопольд фон Герлах: «При русском дворе судачат, что Государь с каждым днем все более увлечен Нелидовой. Бедная им-

⁵⁸ (Anon.) Tagebuch eines preußischen Offiziers ... S. 31.

⁵⁹ *Jerrmann*. 1852. S. 67.

⁶⁰ *Bismark*. 1836. S. 18.

⁶¹ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 163.

⁶² *Гагерн*. 1890. Ч. 1. С. 28.

ператрица все это видит и переносит с достоинством, но как она должна страдать!»⁶³. Великодушие и кротость, с которыми Александра Федоровна отнеслась к увлечению мужа, сочувственное отношение к Нелидовой, верность супружескому долгу сделали ее для многих немцев воплощением всех добродетелей, которыми должна обладать земная женщина. Возможно тот факт, что для них русская императрица продолжала оставаться любимой принцессой Шарлоттой Прусской, старшей дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III, рано потерявшей мать и с детства познавшей, что такое война и изгнание, также сыграл свою роль. Причем образ ее покойной матери во многом определил восприятие русской императрицы немецкими консерваторами.

Мать Александры Федоровны, умершая в 34 года королева Пруссии Луиза, уже при жизни стала объектом почти культового почитания, получившего еще большее распространение в Германии после ее кончины в 1810 г. вскоре после возвращения в Берлин из вынужденного изгнания. Она воплотила в себе миф об идеальной «новой прусской женщине». За 17 лет супружества Луиза произвела на свет десять детей, с которыми почти не расставалась. За эти годы ей удалось создать образ заботливой многодетной матери и преданной жены, ставшей поддержкой и утешением для своего царственного супруга в моменты тяжелейших испытаний. Подданные обожали ее за сердечность, простоту и непринужденность в общении, что выгодно отличало «народную» королеву от чопорной высшей аристократии. После поражения Пруссии в войне с Наполеоном Луиза, мужественно перенеся все испытания, выпавшие на ее долю, превратилась в символ Освободительных войн, которые после ее смерти многими стали восприниматься, как «поход мести» за безвременную гибель королевы-мученицы. В честь королевы Луизы были учреждены ордена, которыми за особые заслуги награждались исключительно женщины. Поэты воспевали ее добродетели, художники рисовали ее в образе Девы Марии. Одним из наиболее последовательных адептов этого культа, была ее дочь, будущая русская императрица Александра Федоровна. Неудивительно, что она всю жизнь подражала матери, стараясь примерить на себя различные ипостаси ее образа, демонстрируя такую же жертвенность во имя семьи, преданность мужу и детям. В разные периоды жизни Александра Федоровна воспринималась как образец обаяния юности и красоты, как идеальная супруга, как заботливая многодетная мать и, наконец, как мученица, которую выпавшие на ее долю физические и душевные страдания превратили из жизнерадостной красавицы в рану

⁶³ Denkwürdigkeiten ... Bd. 1. S. 724.

увядшую женщину с подорванным здоровьем. Только если королева Луиза, испытав на себе все унижения и тяготы войны, которые разделила со своими подданными, преждевременно умерла от разрыва сердца (как сказано в медицинском заключении), то для Александры Федоровны таким роковым испытанием, по общему мнению, стало декабрьское восстание 1825 г., когда она приготовилась умереть от рук бунтовщиков вместе с мужем. Вполне возможно, что современники находили множество параллелей в судьбах матери и дочери и видели в русской императрице продолжение культа глубоко почитаемой в Германии королевы Луизы. Так или иначе, но выпавшие на долю Александры Федоровны жизненные испытания вызвали у большинства немецких авторов искреннее человеческое сочувствие и уважение, которые довольно редко встречались в придворной среде. Общее мнение, не будучи немцем, как всегда, выразил, маркиз де Кюстин, отличавшийся незаурядной пронизательностью: «Императрица с первого же мгновения внушает почтение и доверие. Видно, что, несмотря на вынужденную сдержанность речей и придворные манеры, в ней есть душа, и это несчастье сообщает ей неизъяснимую прелесть. Она больше, чем императрица, она – женщина»⁶⁴.

Однако, по мнению большинства немецких авторов, имевших возможность следить за повседневной жизнью российской государыни, эта женщина «день за днем все более чахнет и тихо угасает», она кажется несчастной и страдающей, несмотря на высокое положение и внимание со стороны мужа. «Страдания» и «жертва» – таковы новые клише, появившиеся в образе Александры Федоровны со второй половины 1830-х гг. И хотя в предназначенных для публикации сочинениях ни один автор, говоря о крайне болезненном состоянии императрицы, не указывает причин ее страданий, в личных дневниках можно встретить намеки на то, что образ жизни, принятый при дворе, медленно убивает царицу. При этом практически все немецкие наблюдатели замечали: всё, что происходит при русском дворе, делалось по воле одного человека – императора. «В Петербурге в вихре придворной жизни с ее суетой, празднествами, балами и путешествиями все вращается вокруг государя, подчиняясь лишь замыслу Его Величества»⁶⁵ – писал в своем дневнике полковник Фридрих фон Гагерн. Только маркиз де Кюстин осмелился связать между собой эти два факта: физическое угасание царицы и ее зависимость от воли мужа, установив между ними причинно-следственную связь, которая, по всей видимости, была очевидна не только для него одного. Познакомив-

⁶⁴ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 182.

⁶⁵ Гагерн. 1890. Ч. 2. С. 330.

шись с Александрой Федоровной ближе, маркиз в своих записках сделал очень важное заключение: «Чем ближе стоят подданные к монарху, тем сильнее они от него зависят – и эта зависимость губит государыню»⁶⁶. Таким образом, невольно признавалось, что даже императрица, несмотря на свое высокое положение, подобно всем остальным подданным самодержца, также могла стать жертвой его абсолютной власти.

Таковыми же «подданными» русского государя, зависимыми от его воли, представлялись немецким наблюдателям и другие члены монаршей семьи. О цесаревиче часто упоминали как о мягком добродушном молодом человеке со слабым, как у матери, здоровьем, которому, возможно недостает «энергии, чтобы держать бразды правления страной столь же твердой рукою, как его отец»⁶⁷. Почти все принятые при дворе немецкие аристократы полагали, что никто из семерых детей Николая I, за исключением второй дочери императора юной княжны Ольги Николаевны, не унаследовали решительности и силы воли отца. Цесаревна Ольга, ставшая впоследствии королевой Вюртембергской, больше всех остальных членов семьи походила на Николая I наружностью и властным характером. Отмечали ее высокий рост и правильные черты лица, однако разительное сходство с императором не всегда гарантировало великой княжне искреннее расположение со стороны немецких наблюдателей. Так, например, Вольфганг Гаффнер описывал Ольгу Николаевну, в отличие от других детей Николая, больше похожих на мать, с некоторой долей неприязни: «Вторую дочь императора все превозносят до небес за ее красоту и доброту. Она действительно очень красива и хорошего роста. Но манеры у нее слишком мужские. Кроме того, в ее лице нет и следов доброты. Она очень напоминает своего отца»⁶⁸. Остальные царские дети унаследовали некоторую болезненность, хрупкое телосложение и мягкость Александры Федоровны. Большинство наблюдателей отмечало ум и хорошие манеры второго сына императора, великого князя Константина Николаевича, изящество и легкий нрав старшей дочери, великой княгини Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, живость и шаловливость младших детей, которых можно было застать в дворцовых залах за игрой в «жмурки» или «кошки-мышки»⁶⁹. В целом – это сделанные с большой симпатией и сочувствием, эмоционально окрашенные портреты живых людей, лишённые схематичности и того саркального значения, которое придавалось образу самодержца. Этот ра-

⁶⁶ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 163.

⁶⁷ Denkwürdigkeiten ... Bd. I.S. 140.

⁶⁸ Гаффнер. 1914. С. 265.

⁶⁹ См.: Bismark. 1836. S 103ff; Jerrmann. 1852. S. 118; Tietz. 1831. S. 128ff.

зительный контраст в восприятии членов одной семьи лишний раз подтверждает наш тезис о том, что российский монарх, в отличие от его ближайшего окружения, в наименьшей степени воспринимался как живой человек, наделенный индивидуальными чертами. В первую очередь он предстал определенной и очень важной «функцией»: олицетворением государственной системы и «установленного Богом порядка».

Важный материал для понимания системы отношений, принятой при русском дворе, содержат многочисленные описания узкого круга доверенных лиц Николая I, куда входили видные сановники, повсюду сопровождавшие императора и оказывавшие на него значительное влияние. Среди них наиболее часто упоминался граф А.Ф. Орлов, «имеющий большое влияние на государя. Он – его доверенный советник в политических вопросах, более значительный, чем граф К.В. Нессельроде, занятый, прежде всего, текущими делами Департамента иностранных дел». Многие авторы называют также графа А.Х. Бенкендорфа, генерала П.Д. Киселева и будущего военного министра Пруссии, генерала Иоганна Георга фон Рауха, в качестве доверенных лиц русского монарха. Подчеркивая близость узкого круга царедворцев к императору, которая, судя по всему, охотно поощрялась последним, наиболее внимательные немецкие наблюдатели в записях, не предназначенных для публикации, отмечали особенность межличностных отношений при русском дворе. Эту манеру общения Леопольд фон Герлах характеризовал как «парадоксальное переплетение деспотизма и либеральности»⁷⁰. Прусский генерал имел в виду бросающуюся в глаза приватность отношений между императором, императрицей и частью особо приближенных придворных, порой переходящую в фамильярность. Казалось, что в Петербурге не придают придворному церемониалу столь большого значения, как в Европе. «Здесь двор, – писал он, – единственный в своем роде. Внешнее проявление почтения и уважения к королю и принцам при прусском дворе гораздо более заметно, чем то, как это происходит в отношении русского императора и великих князей, с которыми их придворные обходятся почти бесцеремонно. Например, ни герцогиня Нассауская, ни принцесса Саксонская, несмотря на свое происхождение, не могут себе позволить общаться с королевой без всяких церемоний, как общается графиня Строганова с императрицей»⁷¹. Причем инициатором такой приватности в отношениях, по общему мнению, был сам император, приближая к себе то одного, то другого сановника и демонстрируя ему свое доверие на глазах у остальных придворных. Но эта доверительность была обманчива и непостоянна.

⁷⁰ Denkwürdigkeiten ... Bd. 1. S. 29.

⁷¹ Ibid. Bd. 1. S. 34.

Она полностью зависела от настроения царя, который позволял себе не считаться ни с заслугами, ни с высоким происхождением своих собеседников. Приватность часто переходила в бесцеремонность и надменность: «Государь мог без всяких церемоний любому указать на его место»⁷². Об этой малоприятной особенности общения Николая I не пишут ни в одном сочинении, предназначенном для публикации. Наоборот, всячески подчеркивается простота и сердечность императора, которую он демонстрировал во время многочисленных бесед с иностранными гостями и собственными подданными. Но в личных записях можно встретить критичные замечания. Леопольд фон Герлах писал в своем дневнике, что «прусский король никогда не позволил бы себе говорить людям то, что им говорит император»⁷³. Еще более определенно высказался Фридрих фон Гагерн: «Самое тягостное испытание для приближенных Его Величества – это его обыкновение переходить от большой фамильярности к отталкивающей гордости и являться в один и тот же день одному и тому же лицу в абсолютно разных ипостасях: то другом, то самодержцем. ...Никто не может знать наперед, чем для него закончится общение с императором»⁷⁴.

Остановившись на подобных примерах «переплетения либеральности и деспотизма» в придворной жизни, и Герлах, и Гагерн в своих дневниках фактически признавали, что никто из ближайшего окружения Николая I не мог быть полностью уверен в стабильности своего положения. Личные наблюдения, сделанные немецкими аристократами в Петербурге, невольно подталкивали читателя к выводу, давно получившему широкое распространение в либеральной литературе: в России представители всех сословий – «офицеры, казаки, крепостные, царедворцы, – все это слуги одного господина, отличающиеся друг от друга лишь званиями»⁷⁵. Все подданные императора в одинаковой степени находятся в зависимом положении от единоличной воли самодержца и «слепо исполняют неведомый им замысел».

Несмотря на консервативную приверженность монархической России, оба немецких офицера не могли не заметить тотальной несвободы в обществе, практически невозможной в Западной Европе в таком законченном виде: когда даже жизнь высшего света предоставляет наблюдателям наглядные примеры того, как монархия, «данная от Бога», заменяется человеческим произволом, вырождаясь в «деспотию». При этом следует иметь в виду, что для Герлаха, как и для большинства консерваторов, аб-

⁷² Ibid. S. 30.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Гагерн. 1883. Ч. 1. С. 28.

⁷⁵ (Анон.) Briefe eines Nordamerikaners ... S. 95.

соллютизм и либерализм, как полярные формы политической организации, являлись сторонами одной медали: «полной победой воли человека над волей Господа». Результатом того и другого были политическая нестабильность, хаос и революция, так как крайности не могут долго сохранять равновесие в обществе. Это взрывоопасное сочетание «деспотизма и либеральности», о котором писал Леопольд фон Герлах, применительно к придворным нравам, вполне можно было распространить на всю Россию. Для внимательных и думающих авторов петербургский двор становился моделью, олицетворением всей империи. О том, что «порочная система рабства», существующая даже в высшем свете, пронизывает все слои общества сверху донизу, неоднократно писал маркиз де Кюстин: «В России повсюду, где есть люди подчиняющиеся и люди повелевающие, незримо присутствуют образы императора и его двора»⁷⁶. К аналогичному выводу пришел примерно в то же самое время фон Гагерн, записавший в дневнике: «Все подданные этой великой империи живут по правилам двора»⁷⁷.

Однако внешний блеск жизни при столичном дворе продолжал манить иностранных путешественников. «Это блестящий двор, – делился своими впечатлениями о русской столице один из немецких офицеров, посетивших Петербург в 1834 г., – в высшей степени пышный и блестящий, с которым ни один другой двор Европы не может соперничать». Восторг вызывало абсолютно все: роскошные экипажи, запряженные породистыми лошадьми, изысканность петербургских салонов, пышность дамских нарядов, блеск бриллиантов, мундиры военных. Все это, по мнению многих авторов, говорило о «великолепии, о котором мы, немцы, уже не имеем ни малейшего понятия»⁷⁸.

Практически все опубликованные воспоминания немецких аристократов, принятых в высшем свете Петербурга, полны восторженных описаний балов, маскарадов, приемов, праздников, фейерверков, парадов, охоты и прочих увеселительных мероприятий. Особое внимание уделялось парадам. Не только потому, что участие в военных смотрах и парадах было любимым занятием Николая I. Парады являлись центральным событием большей части праздничных торжеств, переходящих из дворцов на площади Петербурга. Рождество и Пасха отмечались грандиозными парадами на Дворцовой площади и на Марсовом поле. Дни рождения императора и императрицы также сопровождалась парадами в Петергофе. Поводом для воинских церемоний становились памятные годовщины различных событий, открытие монументов и памятников, удачно закон-

⁷⁶ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 183.

⁷⁷ Гагерн. 1991. Ч. 3. С. 25.

⁷⁸ (Анон.) Die Preussen als Gäste ... S. 23-24.

ченные маневры и полковые праздники. Членов императорской семьи обоего пола постоянно видели на военных мероприятиях, одетых в мундиры марширующих полков. Современники обращали внимание и на многочисленные военные почести, воздаваемые членам августейшей фамилии. По мнению многих наблюдателей, парады, смотры и прочие подобные мероприятия демонстрировали близость императора, членов его семьи и всего двора к армии, которая, в свою очередь, должна была олицетворять собой Россию. Во всяком случае, видимо, именно так воспринимал военные церемонии с участием императора барон Гакстгаузен, когда описывал их как величественный акт всеобщего единства: «Правитель четверти земного шара, светский покровитель и глава церкви, приветствует самых низших из своих подданных и признает этим религиозные узы, связующие его с народом в союз веры, любви и верности»⁷⁹.

При этом не стоит забывать, что петербургский двор представлялся иностранным наблюдателям квинтэссенцией русской жизни. И почти все они обращали внимание на его военизированный характер. Маркиз де Кюстин отмечал, что при дворе, царил «тоскливый порядок казармы или военного лагеря»⁸⁰. Даже при поверхностном знакомстве с русским придворным этикетом бросались в глаза почти армейская унификация и единообразие придворных мундиров и туалетов дам. Различные категории фрейлин на официальных приемах должны были носить так называемые «русские платья» определенных фасонов и расцветок. Гаффнер, присутствовавший на большом торжественном приеме в Зимнем дворце по случаю бракосочетания великой княжны Ольги Николаевны и принца Вюртембергского 1 (13) июля 1846 г., описывал одинаковые белые шелковые платья фрейлин с красным бархатным корсажем, длинные вуали и кокошники, расшитые драгоценными камнями, хотя некоторое разнообразие в туалеты придворных дам вносили богатство золотого и серебряного шитья, обилие бриллиантов и жемчуга самого высокого качества в несколько рядов и многочисленные ордена. «Российский двор великолепен, – делился он впоследствии своими впечатлениями о приеме. – Военные мундиры и ордена предстают здесь во всем своем блеске и разнообразии. Неудивительно, что при таком военизированном дворе, где все мужчины увешаны орденами, многие придворные дамы также носят звезды и ордена»⁸¹. Сильное впечатление на современников производили «армейская дисциплина» и «безукоризненный порядок передвижения», продемонстрированные придворными разных рангов во время больших приемов,

⁷⁹ *Haxthausen*. 1847. Bd. 1. S. 8.

⁸⁰ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 131.

⁸¹ *Гаффнер*. 1914. С. 263.

когда по ходу движения процессии, возглавляемой императором, «все появлялись как по часам», и «каждому было отведено свое место»⁸².

С военизированной обстановкой официальных приемов, где, как и на плац-парадах, центральной фигурой был Николай I, контрастировали восторженные описания балов и торжественных ужинов, на которых царила императрица Александра Федоровна. Здесь опять заходила речь о восточной роскоши и экзотике. Ужины, сервированные на тысячи персон, часто проходили в знаменитом зимнем саду под пение птиц, в окружении экзотических растений и «деревьев, стволы которых, казалось, прорастали сквозь столы», уставленные золотой и серебряной посудой. Императрица, как любезная хозяйка дома, старалась уделить внимание каждому, прогуливаясь по залу. Иностранные гости были очарованы «сказочной», «волшебной» обстановкой ужинов. Даже всегда скептически настроенный маркиз де Кюстин поддался всеобщему восхищению, сравнив увиденное в Зимнем дворце с фантастическими картинами из «Тысячи и одной ночи», вспоминая поэму о Лалла Рук и лучшие образцы «восточной поэзии, где ощущения берут верх над чувствами и мыслью»⁸³.

Помимо выставляемой напоказ роскоши, перечислению атрибутов которой в немецких сочинениях отводилось значительное место, многие наблюдатели были поражены также интенсивностью светской жизни в российской столице: балы, приемы, охота и праздники следовали один за другим, требуя большого напряжения сил и занимая все свободное время придворных. Ситуация осложнялась тем, что часто до последнего момента не было известно, где состоится мероприятие и в каком туалете на нем следует быть. Как отмечал Гагерн, обычно лишь за два часа до бала приглашенным на него гостям сообщалось, в какой из императорских резиденций он состоится: «Места увеселений меняются постоянно, – досадовал полковник. – В большинстве случаев сам государь назначает их в последний момент»⁸⁴. Размышляя над этой особенностью светской жизни Петербурга, Гагерн в своем дневнике приходит к неожиданному выводу, который не встречается ни в одном сочинении, предназначенном для публикации: «Многие предполагают, – писал он, – что это делается не из прихоти, но преднамеренно: чтобы постоянными волнениями и развлечениями воспрепятствовать занятию политикой в обществе, не давая времени даже просто говорить о ней»⁸⁵. Это свидетельство Гагерна, данное со ссылкой на некое общественное мнение, наводит читателя

⁸² (Anon.) Tagebuch eines preußischen Offiziers ... S. 39.

⁸³ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 167.

⁸⁴ Гагерн. 1883. Ч. 1. С. 38.

⁸⁵ Там же.

на мысль о существовании у императора больших сомнений в благонадежности даже ближайшего окружения, страха перед бунтом, во многом связанного с восстанием декабристов при его восшествии на престол. Оно косвенно подтверждает выводы другого немецкого офицера, Леопольда фон Герлаха, также сделанные им на страницах личного дневника, о непрочности самодержавия в России, так как, по мнению многих немецких консерваторов, абсолютистский режим сам лишает себя опоры в обществе, ведет к самоизоляции, теряя устойчивость.

Подобные рассуждения были невозможны в сочинениях консервативных авторов, предназначенных для публикации. Бросающаяся в глаза роскошь, давно уже не принятая в Европе, где царствовала буржуазная умеренность стиля «Бидермайер», непривычная для европейцев насыщенность светской жизни, требовавшая больших материальных затрат, – все это говорило о силе добуржуазных традиций, а следовательно, о незыблемости монархического строя и ведущего положения русской аристократии в обществе. И это в то время, когда европейское дворянство уже сдавало свои позиции под натиском наступающего капитализма. «В России двор – реальная сила, – с грустью признавал граф Фридрих Вильгельм фон Бисмарк, – в других же державах даже самая блестящая придворная жизнь – не более чем театральное представление»⁸⁶.

Постоянное сравнение петербургского двора с европейскими является главной темой в описании жизни столичного высшего света. Причем это сравнение – всегда не в пользу Европы. Например, как признавал один из прусских офицеров, представленных при русском дворе: «У нас балы обезображены унылыми фраками мужчин, тогда как петербургским салонам особенный блеск придают разнообразные мундиры русских офицеров. В России великолепие женских украшений сочетается с золотом военных мундиров, и кавалеры не выглядят как стряпчие или подручные аптекаря»⁸⁷. Самым ярким впечатлением светской жизни для многих немецких аристократов стал Венский конгресс, но даже он проигрывал в роскоши балам в Зимнем дворце.

Особенно богат на яркие светские события был 1839 год. Помимо больших ежегодных балов-маскарадов, проводившихся в этот год с особым размахом, 2 июля в Петербурге состоялось торжественное бракосочетание герцога Максимилиана Лейхтенбергского со старшей дочерью Николая I великой княжной Марией Николаевной, которое привлекло в столицу множество представителей высшей аристократии Европы. Описывая свои впечатления от этого события, один из немецких авторов пи-

⁸⁶ *Bismark*. 1836. S. 144.

⁸⁷ *(Anon.) Tagebuch eines preußischen Offiziers...* S. 51.

сал: «Я видел Венский конгресс, но не припомню собрания, которое бы роскошью драгоценностей и нарядов, разнообразием и пышностью мундиров могло сравниться с празднеством, которое устроил император по случаю бракосочетания своей дочери»⁸⁸. И здесь опять всплывает тема Петербурга как блестящего прошлого Европы времен Короля-Солнца, казалось, навсегда утраченного под натиском революций. Русский двор воспринимался немецкими консерваторами как «волшебный сон», как мечта, он стал своеобразной ностальгией по «золотому веку», по былому блеску европейских монархий. Возможно, этим во многом объясняется тот единодушный восторг, который охватывал всех без исключения иностранных аристократов, наблюдавших жизнь столичного высшего света. Перед блеском петербургского двора не устоял даже маркиз де Кюстин, записавший, оказавшись впервые на балу в Зимнем дворце: «Мне кажется, будто я в Версале и перенесся на столетие назад. Великолепная учтивость здесь – естественное свойство человека. Как видите, Петербург весьма далеко отстоит от нашей страны, какой она стала сегодня. В Париже есть пышность, богатство, даже изысканность, но нет больше ни величия, ни обходительности»⁸⁹. Возможность увидеть элементы собственного «славного прошлого» в настоящем, в повседневной жизни аристократии, пусть и в другой стране, давало консерваторам иллюзию того, что «золотой век» монархий не закончился, он продолжается, а следовательно, «былое величие» европейского дворянства еще может возродиться с новой силой. Поэтому неслучайно, что жизнь двора в описании Петербурга занимает такое непропорционально большое место.

БИБЛИОГРАФИЯ

- (*Anonym.*) Briefe eines Nordamerikaners aus und über Russland. Mannheim, 1849.
 (*Anonym.*) Die Geheimnisse von St. Petersburg. 3 Bde. Leipzig, 1844.
 (*Anonym.*) Leben Russlands inneres: Drei und dreißigjährige Erfahrungen eines Deutschen in Russland. 3 Bde. Braunschweig, 1846.
 (*Anonym.*) Die Preussen als Gäste zu St. Petersburg im Jahre 1834. Liegnitz, 1835.
 (*Anonym.*) Tagebuch eines preußischen Offiziers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts daselbst bei Einweihung der Alexanderaäule. Berlin, 1836.
Arnim C. V. Reise ins Russische Reich im Sommer 1846. 2 Bde. Berlin, 1850.
Bismark F.W. v. Die kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe, 1836.
Custine A. de. Rußland im Jahre 1839. 4 Bde. Leipzig, 1847 (3. Aufl. – 1. Aufl., 1843);
Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2-х тт. / Пер. с фр. В. Мильчиной. М, 1996.
 Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Hrsg. Von seiner Tochter *Agnes von Gerlach*. 2 Bde. Berlin 1891/92.

⁸⁸ *Hess.* 1852. S. 30.

⁸⁹ *Кюстин.* 1996. Т. 1. С. 194.

- Gagern F.B.* Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839 // *Gagern H. v.* Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. 3 Bde. Leipzig und Heidelberg, 1856. S. 542–600; *Гагерн Ф.Б.* Дневник путешествия по России в 1839 г. В отрывках / Пер. с нем. Н.К. Шильдер // *Русская старина*. 1883. Т. 51. № 7. С. 21–54; *Гагерн Ф.Б.* Россия и русский двор в 1839 г. Ч. 2 // *РС*. 1890. Т. 65. № 2. С. 321–339; Ч. 3. *РС*. 1891. Т. 69. № 1. С. 1–38.
- Haxthausen A. v.* Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 2 Bde. Hannover, 1847; Bd. 3, Berlin, 1852.
- Heine M.* Briefe aus St. Petersburg. Leipzig, 1839.
- Hess E.* Meine Reise von München nach St. Petersburg im Jahre 1839. München, 1852.
- Huntington S.* Konservatismus als Ideologie // *Konservatismus*. Hrsg. Schumann H.-G. Frankfurt a. M., 1984.
- Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1852.
- Kaiser A.* Russland wie es ist. 2 Bde. Leipzig, 1830.
- Kohl J.G.* Petersburg in Bildern und Skizzen. 2 Bde. Dresden, Leipzig, 1841.
- Lüdemann W. v.* Petersburg wie es ist. Dresden, 1830 (1. Aufl.); Leipzig, 1836 (2. Aufl.)
- Meinzwolf R.* Sankt-Petersburger Chronik. München, 1849.
- Meyer F.J.L.* Darstellungen aus Russlands Kaiserstadt und ihrer Umgegend im Sommer 1828. Hamburg, 1829.
- Meyer F. J.L.* Petropolis. Russische Denkmäler. In den Jahren 1828–1835 gesammelt. 2 Bde. Hamburg, 1837.
- Possart P.* Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihrer Umgebung. Heidelberg, 1842.
- Schenkenberg C. v.* Die kaiserlich russische Haupt- und Residenzstadt St. Petersburg und deren Umgebungen. Leipzig, 1839.
- Schulze Aug.* Ein Jahr aus meinem Leben in St. Petersburg. Nordhausen, 1834.
- Sporschil J.* Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig, 1849.
- Tietz Fr.* Erinnerungsskizzen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. 2 Bde. Leipzig, 1836.
- Tietz Fr.* Nicolaus I. Kaiser von Russland: Momente aus dem Monarchen Leben. Schwerin, 1831.
- Welp Tr.* Petersburger Skizzen. 3 Bde. Leipzig, 1842.
- Wolfgang Wenzel von Haffner / Hrsg. *L.M. Surhone*. Verlag: Betascript Publishing. Saarbrücken, 2010; *Гаффнер В.В.* Три недели в России // *Исторический вестник*. 1914. Т. 135, № 1. С. 258–282.
- Заиченко О.В.* Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 30–40-е гг. XIX в.: монарх как воплощение государства // *Диалог со временем*. 2013. Вып. 42. С. 194–222.
- Заиченко Ольга Викторовна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com.